

Теплым весенним днем из старенького депо одного небольшого, но очень уютного и милого городка, выехал новенький, блестящий, красный трамвай.

Он весело бежал по стальным рельсам и постукивал в такт весенней капели.

Мимо летели высокие и низенькие домики, и все приветливо кивали ему своими крышами. Вслед, чирикающая, летела стайка взъерошенных воробьев. Деревья приветствовали его и покачивали ветками с набухшими почками. Весело! Радостно! В воздухе пахнет ВЕСНОЙ!

На первой остановке села шумная группа ребятишек со своими воспитателями.

— Наверное, едут в парк, а может и в музей,— подумал Трамвайчик.

Вагоновожатая объявила следующую остановку, и трамвай побежал вперед навстречу к новым знакомым и новым впечатлениям.

Он летел легко, пассажиры сменяли одни других. То это была ватага озорных подростков со скейтами, явно едущих в парк кататься по просохшему асфальту. Это были и домохозяйки с сумками и пакетами, студенты с папками, молодые мамы с колясками, деловые горожане с досками и инструментами. В общем, все как всегда. День подходил к вечеру, и на одной остановке в вагон вошла дама довольно преклонных лет.

На голове у нее была роскошная черная шляпа со страусиными перьями, одетая в строгое длинное гипюровое платье, на плечах-накидка из тушканчика.

В одной руке держала ридикюль, густо расшитый бисером, а в другой — расчудесную, крупную, белую птицу. В вагоне, птица энергично встрепенулась, захлопав крыльями, радостно прокричала: «Привет всем!»

— Что это? Кто это? — подумал Трамвай, и его железное сердце застучало сильно-сильно, и красные гладкие бока задрожали.

Вагоновожатая подпрыгнула на своем кресле и начала ласковым голосом успокаивать своего компаньона:

— Это всего лишь наша актриса Изольда Лессовая со своим верным другом попугаем Глорией. У нас эту неразлучную парочку знают все горожане от мала до велика. В театр спешат, на спектакль.

Но трамвайчик ничего слышать не мог. Он был весь погружен в свои видения, а видения эти были — ГЛЮРИЯ! Наш железный друг с мощным стальным сердцем ВЛЮБИЛСЯ.

Так бывает, особенно ВЕСНОЙ.

Улицы мелькали за стеклами трамвая, остановки сменяли одна другую.

Трамвай подъехал к театру и остановился. Изольда Карповна поспешила к выходу, но двери в салоне не открылись. Наш железный вагончик набравшись храбрости, решил заговорить с актрисой.

— Многоуважаемая дама, разрешите пригласить вашу дивную спутницу со мной на прогулку по городскому парку?

— Я полагаю, милостивый государь, что не мешало бы для начала спросить у самой моей спутницы. Согласна ли она?

Глория смущенно отвернула свою милую головку и тихо пролепетала: «Я никогда одна еще нигде не была и немного волнуюсь. А вы мне позволите, Изольда Карповна?» — обратилась птица к своей хозяйке.

Лицо старушки странным образом вытянулось, глаза широко раскрылись, сумочка незаметно соскользнула у нее с запястья, и она, подумав немного, проговорила:

— Ну, я право, не могу возражать, но только при одном условии, что моя дорогая девочка ровно в шесть вечера будет в театре, в моей гримерке.

— Даю честное трамвайное слово, что минута в минуту ваша компаньонка будет в указанном месте.

И с этими словами двери трамвая с тихим шипением открылись, и странная парочка будто растаяла за ними, оставив ридикюль лежать на полу салона.

Двери закрылись, и трамвай не пошел, он полетел над рельсами. Его стальное сердце пело, и он мысленно представлял завтрашнюю прогулку в парке. Музыка звучала в его голове так громко, что все пассажиры могли ее слышать. Они улыбались и понимали, что в этом помещении запахло ВЕСНОЙ.

Трамвайчик не мог дожидаться окончания соей рабочей смены, он словно лошадка в цирке все бегал и бегал по замкнутому стальному кольцу и очень хотел, чтобы поскорее настало ЗАВТРА!

Солнце закатилось за небольшие домики, и трудовой, счастливый, первый день молодого специалиста закончился. Весело он бежал в свое депо, где мог умыться, выспаться и набраться сил для чудесного ЗАВТРА!

Доехав до своего трамвайного дома, с широкой улыбкой на лице он предстал перед своими собратями.

— А что это ты сияешь как ясно солнышко? — хриплым голосом поинтересовался старый трамвай.

— Влюбился! Влюбился! — зашумели вагончики, уже отдыхавшие в депо после смены.

— Ну, ну, что разгалделись, — прикрикнул на них старейший.

— Это верно? — обратился он к юному коллеге.

Тот от смущения стал еще краснее, и его стальные бока опять задрожали.

— Да ты так не волнуйся, приятель. Любовь — дело ХОРОШЕЕ! — задумчиво произнес босс.

— Я тоже, когда-то был таким как ты, влюбился.

— И кто же был предметом вашей симпатии? — полюбопытствовали вагончики.

Закрыв свои потускневшие глаза и немного откинув назад голову, старожил произнес нараспев:

— Милая, желтенькая, маленькая РЕНОШКА!

— И что? — заинтересовался наш малыш.

— Ну, покатались, покатались мы с ней с неделю, а затем она включила третью скорость и исчезла с моего маршрута. А что я мог ей предложить? Катание по кругу и только, ведь наши стальные рожки крепко нас держат на маршруте. Вот так и бегаю по сей день бобыль бобылем! Ни семьи, ни детей!

— А кто она? — поинтересовался старик.

— Она самая красивая, изящная, восхитительная!

— И она?

— Белая и крылатая!

— Трамвай на воздушной подушке? — дружным хором запели коллеги.

— Она — попугай. И у нее самое красивое имя — ГЛЮРИЯ! — восхищенно произнес молодой специалист №234.

— Да, приятель! Похоже, ты правда совсем с катушек съехал! Как можно было влюбиться даже не в машину, а в одушевленное существо! Ну, ты и попал! — произнес старейший № 55.

Но 234-ый никого не слышал, он был погружен в свои мысли, и думал лишь о том, как бы порадовать Глорию, что ей подарить на прогулке?!

Незаметно для себя он уснул. Во сне он видел Глорию, и как она, усевшись у него на голове, весело летела с ним по аллеям городского парка, а цветущие деревья нежно дотрагивались до них и махали им в след зелеными ветвями.

В лапах у птицы был большой и сладкий АНАНАС!

— АНАНАС! — воскликнул 234-ый и проснулся от собственного крика.

Утром, как обычно, все трамваи принимали душ. Оператор включал мощные щетки и огромные лейки для утреннего туалета всех жителей депо.

Приняв утренние водные процедуры, молодой трамвайчик, осмелившись, решил заговорить с оператором:

— Уважаемый, а не смогли бы вы мне купить ананас.

— А ты что, теперь ананасами питаешься? — поинтересовался оператор.

— Это не для меня. Это для моей мечты, — робко ответил №234-тый.

— Хорошо! Куплю! — согласился оператор.

И влюбленный малыш стал ждать оператора с ананасом. Его железное сердце билось с удвоенной силой.

И вот он! Идет. В руках несет желтый с зеленым хвостиком АНАНАС!

— Спасибо! Спасибо! — затараторил трамвайчик.— Ты даже себе представить не можешь, как ты меня выручил, мой уважаемый оператор!

— Да мне же не трудно, обращайся, когда будет надо,— ответил оператор.

И тут наш трамвайчик, посмотрев на часы, которые висели на стене вагонного депо, заторопился на встречу со своей мечтой, в городской парк.

До начала рабочей смены и выступления Глории у него была куча времени.

— Ах! Как же хорошо жить в нашем стареньком городке,— подумал №234 и выбежал из депо, забыв, что его рожки должны крепко держаться за электрические провода, по которым идет живительная сила к его железному сердцу. Ну, о каких рожках можно думать, если все мысли только о встрече со своей мечтой — ГЛОРИЕЙ!

И эта мечта дала ему крылья. Он полетел над землей, ничего не замечая на своем пути. А люди смотрели ему в след и удивленно кричали:

— Смотрите! Смотрите! Летучий трамвай! Трамвай полетели,— звучало со всех сторон.

Трамвай парил над рельсами, над тротуаром. Мелькали улицы, сменяя одна другую, и вот впереди заветные чугунные ворота — парадный вход в парк, к своей мечте, к встречи с Глорией!

Он промчался по центральной аллее. Прохожие от неожиданности разбежались с тротуара и повскакивали на зеленеющие газоны.

— Простите! Простите! Извините, что напугал,— кричал взволнованный трамвайчик, спешивший на встречу с предметом своего обожания.

И вот он заметил маленькую белую птичку, сидевшую на спинке парковой скамейки.

— Пришла! Пришла! Глория! — запел железный вагончик, и песня его эхом раздалась из парковых динамиков.

Глория вздрогнула и, увидев красный блестящий трамвайчик, тихо произнесла:

— К чему так много шума, мой железный приятель? Будьте скромнее, ведь вы и так слишком заметны!

— Я, я не хотел обращать на себя внимания. Простите, это как-то само собой получилось.

— Хорошо, не будем больше об этом. Давайте поговорим о чем-нибудь прекрасном,— предложила птица.

— Ах, да! О прекрасном! Загляните, пожалуйста в мой салон, там у меня есть, что-то прекрасное для вас, многоуважаемая Глория.

Птичка вспорхнула в салон, и О! ЧУДО! На полу салона лежала расшитая бисером маленькая сумочка Изольды Карповны. Глория взяла сумочку в клюв и вынесла ее наружу.

— Прекрасно! Чудесно! Великолепно! Вот это подарок! А мы-то ее обыскались. Не знали, где еще ее искать.

— Какая сумочка! Я вам приготовил АНАНАС! — изумленно произнес наш старый знакомый.

— Ты даже себе представить не можешь, что это за удивительная вещь! — загадочно произнесла пернатая актриса.

— Хочешь увидеть, что сейчас будет? — спросила она опешившего собеседника.

— Ага! — чуть слышно произнес 234-ый.

Попугайка осторожно поднесла свой клюв к блестящей защелке ридикюля.

Щелк! И сумочка открылась, и из нее медленно стал появляться молочный туман. Он становился все больше и больше, окутывая собой всех и все, что было поблизости. Трамвайчик закашлял. Из глаз-фар по-

текли слезы. Он чихнул и оглядевшись по сторонам обомлел от увиденного. У него самого почему-то отпали рожки, в своем теле не ощутил биения любимого железного сердца. Дома уменьшились в размерах. Стали не больше трех этажей. Улицы мощены гладким булыжником. По обочинам мостовой изредка виднелись уличные фонари на деревянных ногах, а он сам запряжен лошадьми и едет по КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ МОСКВЫ!

— Ого! — подумал трамвай, поворачивая голову в изумлении и в поиске своей приятельницы.

А Глория, усевшись в кабине вагоновожатого, радостно покрикивала:

— Вперед, пристяжные, вперед!

Остановок не было, а пассажиры на ходу то входили, то выходили из салона.

Дамы в длинных платьях, мужчины в сюртуках и котелках. Были и студенты в форменной суконной одежде, едушие на встречу к знаниям. Были и мужики с мешками, явно спешившие на рынок.

— Что это? Где мы? — заикаясь, прозвонил №234-й.

— В Москве! В Москве, мой милый друг, в начале двадцатого века, — радостно пропела Глория.

— И я теперь кто?

— Ты конка, милейший!

— А где же мавзолей?

— Так Владимир Ильич Ленин (Ульянов) еще жив и готовит государственный переворот.

— Какой переворот?

— Великую Октябрьскую социалистическую революцию, малыш. Слышал об этом хоть что-нибудь!

— Да, так немного. А где захоронения у кремлевских стен?

— Пока кремль не стал ареной для политических амбиций.

— И мы теперь останемся в этом времени и не увидим всего того, к чему так привыкли?

— Не беспокойся, трусишка! То ли еще будет! — с этими словами Глория вновь приоткрыла ридикуль, и из него опять начал струиться густой туман. Но на этот раз птица быстро его захлопнула. Туман все же успел сделать свое дело — окутал всех и все, что попало в его объятия, и сам красный вагон, и несколько замешкавшихся пассажиров не успевших выйти из вагона.

И вновь у трамвайчика закружилась голова, запершило в горле и заслезились глаза.

После того, как туман рассеялся, 234-ый почувствовал под собой ледяной холод. Пронизывающий влажный ветер окутал его корпус. Трамвай увидел, что мчится он по рельсам, проложенным прямо по льду какого-то озера. Рожки у него по-прежнему не выросли, но в теле было ощущение бьющегося сердца.

«Хорошо хоть сердце вернули», — подумал наш путешественник.

В салоне взволнованно заговорили пассажиры:

— Что происходит? — спросил гражданин в очках и клетчатом пальто.

— Куда мы едем? — заголосила женщина средних лет с гусем в корзине.

— Позвольте, поинтересоваться, милейшие, как мы сюда попали, — спросил, пробудившийся от сна профессор Московского университета. В руках у него была бордовая авоська с маленькими зелеными пузырьками.

— Да что же это такое? Мороз, а я в парусиновых ботинках. Мне в музей надо, — вступил в разговор художавый художник, державший скрученный в рулон холст. — Я ж картину должен доставить сегодня до двенадцати часов. Комиссия придет, а картины не будет. Все пропало! Все пропало!

— Господа! Господа! Давайте успокоимся и будем рассуждать логически, — предложил профессор.

— Какое логически, — парировал художник, — за окнами холод, вечер и мы неизвестно где. Вокруг ледяная пустыня. Кошмар! Кошмар!

— Вот у меня кошмар, — вступила в разговор женщина преклонных лет с гусем в корзине. — Мне гуся продать на рынке надо.

— А вы, мамаша, не на Сытный ли ехали? — осведомился мужик с мешком, сидевший на заднем сиденье.

— Теперь не доедете, — усмехнулся художник.

— Господа! Господа! Давайте успокоимся и решим, что нам делать?

Мороз обнимал все стальное тело нашего путешественника, но внутри трамвая была вполне сносная, комфортная атмосфера.

— Позвольте, что это у меня в носу? Дыра, а в ней горящие дрова. Я все понял. Я — печка на колесах. Вот это класс! — молвил 234-й.

— Нет, ты паровик. Работает как паровоз. Дрова сгорают, пар идет, тепло поступает к твоему сердцу. Оно стучит. Колеса вращаются.

— Я даже и представить себе не мог, что такое было возможно.

— Возможно все! Ты же по льду Ладожского озера едешь.

— А где это?

— В Петербурге, мой юный друг.

— Говорящий трамвай! — ахнула женщина преклонных лет.

— Мы в Питере! Обалдеть! — вторил мужик с мешком.

— Господа! Господа! Давайте успокоимся. Ну, подумаешь, говорящий трамвай. Если хорошенько по-

размышлять, то и такое возможно, — продолжал профессор. — Я где-то читал, что в конце 19-го века по Ладожскому озеру, зимой, прокладывали трамвайные линии прямо по льду.

— Ага! Знать мы в Питере, уважаемые. Лихо завернул нас трамвай.

— Молоток! — прокричал мужик с заднего сиденья.

Трамвай летел по заметенным снегом рельсам. На остановках входили люди в шубах, запорошенных белыми снежинками. У некоторых в руках были подарки. А один пассажир вошел в салон с пушистой, зеленой елкой.

Те, кто уже ехал в салоне с удивлением взглянули на тех, кто только что вошел.

— Господа! Господа! Давайте успокоимся и поразмыслим логически над сложившейся ситуацией.

— Позвольте, над какой ситуацией, — проговорил пассажир с елкой, вошедший в трамвай в Питере.

— Видите ли, уважаемый, — вступил художник. — Мы ехали по своим делам. Кто куда. Ехали по

Красной площади.

— Так это же в Москве?! — произнесла дама с подарочной коробкой в руках.

— Давайте успокоимся, господа, — предложил профессор из Москвы, — и поговорим с нашим трамваем.

— В своем ли вы уме, многоуважаемый, — обратился к нему гражданин с елкой. — Могут ли трамваи говорить?!

— Вот вы и проверьте, — предложил профессор человеку с елкой.

— Уважаемый трамвай, скажите нам, пожалуйста, куда мы все едем, и что с нами будет дальше?

— Право, я и сам не знаю, что будет и куда мы попадем в ближайшее время.

— И что же будет дальше?! — хором произнесли все пассажиры трамвая.

— Дальше будет... — и Глория вновь приоткрыла сумочку Изольды Карповны.

Вязкий туман снова заполнил собой все пространство, окутывая собой всех и все. Профессор покачнулся и выронил авоську из рук. Пузырек упал из сетки, и его содержимое разлилось по полу салона. Трамвай вновь закашлял. У него защипало в горле и в глазах. Он зажмурился и стал ждать, что же произойдет, и куда он и вся его подростковая компания попадут на этот раз.

Туман еще не прояснился, но уже успел вступить в реакцию с жидкостью из зеленого пузырька. И все пошло по незапланированному сценарию.

Туман приобрел зеленоватый оттенок, и у него появился слегка уловимый горьковатый аромат. Вдохнув этого воздуха, все пассажиры нашего путешественника разом впали в сладкий сон. Заснули даже стоящие на задней площадке граждане с чемоданчиком. Туман вновь начал рассеиваться. За окнами трамвая постепенно вырисовывался довольно необычный пейзаж. Вокруг было темно. Воздух сжат. Кое-где, на разном расстоянии виднелись мерцающие огоньки. 234-й со всех сторон был обят горными массивами.

Издали доносился приглушенный стук. Казалось, кто-то играет весьма недурную мелодию на ксилофоне.

Первым проснулся профессор, за ним художник и благородного вида гражданин с елкой. Очнувшись от сна, Глория прокричала:

— Какой ужас! Все не так! Не так! Мы должны были попасть совершенно в другое место.

— Так! Так! — довольно сердитым голосом произнес мужик с мешком. — Вот кто всему виной, по чьей вине я болтаюсь в этом вагоне, а не торгую на своем рынке, на который по вашей милости, досточтимая птица, я вряд ли попаду.

Тут проснулись все наши путешественники, и поднялся невообразимый гвалт. Только один профессор пытался сохранять невозмутимое спокойствие, и как мог успокаивал разволновавшуюся публику.

— Господа! Господа! Давайте успокоимся и подумаем логически, что мы можем сделать в сложившейся ситуации?

— А что тут сделаешь? — заорала баба с корзиной. Мы все — заложники нашего трамвая.

— Вот именно, трамвай! — задумчиво произнес профессор.

— Я полагаю, нам надо покинуть салон нашего транспортного средства и что-то сделать для нашего возвращения домой, — предложил художник.

— Что-то сделать?! — отстраненно, нараспев проговорил профессор.

— Так и сделай, хоть что-нибудь! — в отчаянии закричал мужик с мешком в руках.

— Кто со мной? — скомандовал художник.

Профессор оживился. Студент-очкарик, подхватив его под руки, устремился к выходу. Художник выскочил из вагона вместе с ними.

Смельчаки огляделись вокруг. Перед ними царственно возвышались скалистые горы. Впереди виднелся темный и глубокий туннель, который проглатывал стальные рельсы.

— Придется идти по шпалам, — предложил профессор.

— А у меня, кстати, фонарик в кармане завалился, — радостно сообщил студент.

— Давайте познакомимся, коли мы попали в такую историю, — предложил художник.

— Я, Василий Морозов, — сообщил студент.

— Ко мне можете обращаться, Михаил Платонович! — важно парировал профессор.

— Аполлинарий, — чуть слышно выговорил художник.

— Теперь мы знакомы. И нам только вперед! — скомандовал профессор.

Перед входом в туннель они немного замялись. Холодный ветер дунул им в лицо. Музыка стала немного громче.

— Василий! Доставай свой фонарик. Будешь нашим светочем,— продолжал ученый.

— А у меня с собой коробочка художественного угля. Думаю, надо оставлять нам метки, как в детской игре «Кзаки-разбойники», чтоб вернуться назад,— предложил художник.

— А, вы — голова, батенька.

Включив фонарик, поставив первую метку, они вошли в туннель. Гладкие, отшлифованные своды туннеля обнимали их. Под ногами еле слышно похрустывали мелкие камешки. Вдали игриво подмигивали цветные огоньки.

Музыка становилась все отчетливее. Пройдя вперед несколько метров, они попали в небольшую круглую комнату, из которой выходили три длинных и узких коридоров, а рельсы, как веер, раскинулись по всей комнате. В каждый коридор убегала своя ветка неизвестной дороги.

— Я предлагаю идти на звук,— сказал Михаил Платонович.

— А может — к свету? — предложил Василий.

— Давайте сделаем так. У меня есть монетка. Я подброшу ее. Выпадет орел — идем на звук, решка — на свет,— вставил Аполлинарий.

— А может, нам разделиться? — выпалил Василий.

— Нет! — властно выкрикнул профессор.— Нам нельзя разделяться. Все пропадем. Вместе, может, и выкрутимся из этой истории.

Художник достал монетку. Немного потряс ее в ладонях и подбросил вверх. Пятачок со звоном ударился о каменный пол, отскочил, как мячик, и покатился в один из коридоров круглой комнаты.

— Вот все и решилось. Монетка указывает путь,— подытожил профессор.

Смельчаки побежали за ней вслед. Узкий коридор был достаточно мрачен, но в конце его мерцали разноцветные огоньки. Пробежав некоторое время вперед, наши герои подбежали к обрыву, где были вынуждены резко затормозить. Разноцветные огоньки превратились в огромные переливающиеся, цветные шары. Сквозь их цветное мерцание угадывались размытые очертания великолепнейших воздушных мостов, арок, анфилад, галерей и ротонд. Музыка окутала наших героев, словно пуховое одеяло. В воздухе летал легкий, чуть уловимый мятный аромат. От всего увиденного путешественники просто остолбенели. Не успели они прийти в себя, как в атмосфере почувствовали некоторое дрожание и из бесформенного клуба плотного воздуха появилась фигура хорошо одетой, невысокой, хрупкой дамы весьма преклонных лет. На ней было длинное, строгое, черное платье. Завершала этот наряд широкополая шляпа со страусиными перьями.

— М-да,— выговорил профессор.

— Обалдеть! — воскликнул студент Василий.

— Да, прекратите же, наконец, удивляться,— произнесла дама в шляпке.

— Позвольте поинтересоваться, кто вы? И что это за место? — спросил художник.

— Я, Изольда Карповна! Ну, впрочем, вам, как мне кажется, мое имя ничего не скажет.

— А, не вы ли это осенью 7-ого года давали концерты в Русском цирке Братьев Никитиных? — осведомился профессор.

— Я! — кокетливо произнесла Изольда.

— Тем лучше, что кто-то меня знает. Слушайте внимательно, что скажу.

— Нет! Нет! Оставайтесь на месте и не до чего не дотрагивайтесь! — остановила студента, попытавшегося взобраться на ближайший камень, громко воскликнув, женщина.— Я догадываюсь, как вы здесь оказались. Это все проделки моей крестницы Глории. Она, думаю, не хотела всех вас вовлечь в эту историю, ну, что ж, коли все так закрутилось. А, что это за жидкость была в Ваших пузырьках, уважаемый Михаил Платонович? — обратилась она к профессору.

— Это всего лишь янтарная кислота.

— Понятно. А много ли человек едут в 234-ом?

— Около двадцати, и смею заметить, что кто-то из Москвы, а кто-то из Санкт-Петербурга,— парировал студент.

— И, полагаю, из разного временного промежутка,— вставил профессор.

— Вы, Изольда Карповна, нам таки не открыли то место, где мы находимся? — поинтересовался художник.

— Это Семигорье. Прошу вас никуда без моего ведома не ходить. Можете попасть туда, откуда вернуться будет очень сложно.

— Я, если позволите, продолжу то, что не закончила. Вы говорите, в пузырьке была янтарная кислота. Так-так. Для того, чтоб каждому из пассажиров вернуться в свое место и время, необходимо набрать желеобразной массы, которая плавает на поверхности горного озера. Эту массу положить в ридикюль Глории, и после того, как она начнет произносить заклинание — каждый, назвав свое имя, место и время жительства, попадете обратно к себе.

Цветные шары радостно подскакивали. Изольда на некоторое время задумалась.

— Я же был уверен, что из любой ситуации обязательно найдется выход,— радуясь произнес художник.

— Только есть одно условие,— продолжала Изольда.— Вы втроем принесете массу и вместе вернетесь в салон 234-ого .

— А где же нам найти это озеро,— осведомился студент.

— На пути по этому коридору вы встретите знаки, которые составят слово. Подсказки надо искать очень внимательно,— с этими словами Изольда растворилась в цветных шарах. Музыка стихла.

Все волшебное пространство исчезло, как и обрыв, преградивший дорогу путникам. Вновь под ногами зашуршали камушки. Тройка смело отправилась вперед на поиски горного озера. Фонарик освещал им дорогу. В тишине раздавались их торопливые шаги. Неожиданно луч от фонаря осветил какой-то блестящий предмет. Подойдя ближе, путники увидели удивительный камень, золотистого цвета, в форме бублика. Студент Василий подбежал к нему, но споткнулся. Чтоб удержаться на ногах, он с силой нажал на этот камень. Послышался странный гул, и в стене коридора тяжело и со скрипом открылась каменная дверь. За ней виднелись серые, мрачные ступени, убегавшие в неизвестность.

— Василий, иди вперед и освещай нам дорогу, громко произнес профессор.

— Аполлинарий, ты будешь замыкать наш строй, и не забывай ставить стрелки, а то назад не попадем,— с азартом продолжал ученый.

Смелычаки вступили на каменную лестницу. В тишине раздался звук их шагов. Холод и страх неизвестности несколько тормозили спуск.

Лестница шла вниз, и, где она заканчивалась, было не понятно. Неожиданно послышалось журчание воды. Подземная река преградила движение по лестнице и поглотила каменный спуск.

— Кто умеет плавать? — поинтересовался художник с некоторой иронией.

— Да-с? Задача вероятнее всего не имеет решения,— вслух размышлял профессор.

— Что ж мы будем делать ? — произнес студент.

Несколько минут путники стояли в растерянности. Внезапно над рекой появился густой зеленоватый туман. Он возник ниоткуда, прямо перед путниками. Масса становилась гуще, насыщеннее. Из нее стало вырисовываться какое-то изображение. Оно приобретало все более конкретные формы, и через короткий промежуток времени над рекой повис мост. Он странным образом образовывал две соединяющиеся арки.

Туман исчез.

— Так, так! Очень интересно, а куда же ведет этот мост, если он упирается в стену? — спросил студент.

— Позвольте, господа, а ведь это знак! Если на него посмотреть не так, как мы сейчас смотрим, а со стороны реки, то получается лежащая буква «З» — земля. Вот так-то, батеньки. Идти придется по этому мосту и надо довериться происходящему,— продолжал профессор.

Группа отчаянных вступила на мост. Он слегка покачнулся. Странники удержали равновесие.

— Всем стоять! — скомандовал профессор.— Василий, иди и не останавливайся. Ничего не бойся. Просто иди и иди. Не оборачивайся. Мы будем следом.

Студент осторожно сделал несколько шагов вперед. Остановился. Подумал и сделал прыжок с одной арки на другую. Мост вновь покачнулся. Студент, постояв несколько секунд, продолжил движение вперед и растворился в стене, в которую упирался мост.

— Теперь моя очередь,— сам себе скомандовал профессор.

Профессор проделал весь тот путь, что и Василий, и так же, как он, растворился в стене.

Все увиденное сильно впечатлило и напугало художника. Он решил, что ему будет лучше подождать их у входа в подземелье. Осторожно сошел с моста. Поднялся по лестнице. Вышел через каменную дверь. И хотел было двинуться к выходу по своим стрелкам. Но не увидел их. В панике он побежал куда глаза глядят. Бежал он достаточно долго. Запутавшись, окончательно выбившись из сил, Аполлинарий решил отдохнуть. Присел на землю и стал думать, куда идти. В тишине, в темном, холодном, каменном коридоре в голову лезли самые мрачные домыслы. Среди безумного роя мыслей особенно четко всплыла одна: «Если намочить палец и поднять его вверх, можно почувствовать движение ветра, а ветер там, где выход!»

С этой радостной мыслью художник вскочил на ноги. Послюнявил палец и поднял его кверху. Через некоторое время он ощутил легкое дыхание ветерка.

— Вперед навстречу ветру! — обрадовался художник.

Через полчаса сила ветра усилилась. Появился робкий луч света. Собрав все силы в кулак, художник побежал навстречу свету. И вот он — долгожданный выход. Но что-то не так. Где горный пейзаж? Где красный вагон трамвая? Ничего этого не было. Перед глазами художника возникла совсем другая картина. Под высоким холмом, на котором оказался Аполлинарий, уютно расположилась небольшая деревенька, с невысокими домишками, крытыми соломой. Стены домов были замазаны глиной и покрашены чем-то белым.

Художника удивил один факт — на улицах этой деревеньки не было электрических столбов. «Ну, может, сюда еще не провели электричество»,— подумал художник и спустился с холма вниз, в деревню.

Вечерело. Он постучал в первую попавшуюся избу. Дверь довольно скоро открыл мужчина лет сорока или пятидесяти. На нем была холщевая длинная рубаха, подпоясанная густо покрытым орнаментом поясом.

— Не пустите переночевать путника, отец,— обратился Аполлинарий к незнакомцу.

— Гость в дом — Бог в дом, — добродушно ответил хозяин и жестом пригласил странника в дом.

Обстановка дома более чем скромная. Печь, длинный деревянный стол и несколько длинных, доволь- но широких лавок. В красном углу над столом икона Божьей матери. Перед ней чадила лампадка. На бревен- чатой стене в светце горела лучина. От этого все предметы в доме казались сказочными.

За столом хлопотала жена хозяина. Одета тоже в длинную самотканую рубаху и подпоясана узорча- тым поясом.

Художник перекрестился.

— Мир вашему дому, — произнес он.

— Милости просим. И отведайте с нами, чего Бог послал, — ласково предложила хозяйка.

Она поставила на стол чугунок, из которого шел легкий дымок. Пахло очень вкусно. Еда была про- стой, но несколько непривычной. Теплая, пареная репа, выпеченный в печи ржаной каравай — это вся еда, которая была на столе. Овсяный кисель завершал вечернюю трапезу.

Спать положили путника на широкую лавку, подложив под голову ему свернутый овчинный тулуп.

С первыми лучами солнца Аполлинаруй поднялся. Поблагодарил хозяев за приют и ужин, и хотел бы- ло идти дальше.

— Да куда ж ты мил человек путь держишь? — спросил хозяин.

— Сам точно не знаю. Думаю мне надо к Синегорью, — ответил художник.

— Это версты две — три на север от нас. Как выйдешь, так напрямки и иди. На холм взойдешь, там речка течет. Ты вброд ее перейди. Помни, чтоб солнышко справа всегда от тебя было, — посоветовал хозяин дома.

— Иди с Богом, сынок, — перекрестила его хозяйка.

Поклонившись им в пояс, художник отправился искать то место, откуда он вышел. Через некоторое время он увидел речку. Брод было найти делом нехитрым. Художник смело побежал по мели. Выбежал на другой берег, споткнулся о валун, который не заметил впопыхах, и, упав на землю, потерял сознание.

Тем временем, профессор и студент продолжили свой путь к подземному озеру. Они огляделись и по- няли, что дальнейший путь им предстоит пройти вдвоем.

— Сдрейфил! — произнес студент.

— Не будем судить его, мой юный друг, — ответил профессор. — Идти придется нам вдвоем, если хо- тим выбраться из этой истории.

В полумраке они прошли вперед. Где-то на расстоянии ста шагов показалась мраморная галерея, в центре которой виднелся неясный контур, напоминающий каменный колодец. Подойдя ближе, они действи- тельно увидели заброшенный колодец. С нескрываемым любопытством они заглянули вовнутрь. Там вместо воды был плотный зеленый туман. Как на мягкой подушке на нем лежала змея, свернувшаяся в виде буквы «З» — земля.

— Да с! Непрост наш путь домой, — обреченно произнес профессор.

— Михал Платонович, придется нырять, другого выхода нет, — подытожил Василий.

— Предлагаю взяться за руки, и на счет «Раз, два, три!» — прыгаем, — твердо сказал профессор.

Зеленый туман, мягким облаком окутал смельчаков. Приземление их было плавным и бесшумным. Яркий свет ослепил путников. Перед ними лежал великолепный зеленый пейзаж: поля, укрытые разноцвет- ным ковром из цветов и душистых трав. Прозрачная река обгнала холмы, и бежала вперед к удивительным деревянным домам, искусно укрытым тончайшей резьбой.

Большие белокрылые птицы парили над головой. В нескольких шагах от себя они почувствовали лег- кий яблочный аромат. Дружно повернув голову в сторону запаха, они увидели яблоню весьма необычного вида. Она вся, со стволом, кроной и ветвями, всем своим обликом напоминала букву «Р».

Михал Платонович и Василий решили побаловать себя сочными, красными яблочками. Они подошли к яблоньке, как вдруг она сделала покачивающиеся движения и медленно шагнула вправо.

— Ого-го! — удивленно произнес студент. — Шагающее дерево. Кому скажу — не поверят!

— Так ведь это наш следующий знак. Посмотри — это буква «Р», и она нас куда-то зовет, — констати- ровал профессор. — Следуем за ней!

Храбрецы проворно последовали за убегающей яблоней. Мимо, как тени проплывали люди в длинных белых одеждах, с льяными, длинными волосами. Все как один высокие, стройные и улыбчивые.

Проследовав за своим новым проводником, через полчаса, по ощущениям путников, яблоня нежи- данно остановилась в центре зеленого луга. Вокруг нее, в радиусе тридцати метров, внезапно вспыхнул ослепительно белый свет, в лучах которого яблоня растаяла, как дым. Путники остановились в оцепенении и в ожидании того, что последует далее. И оно не заставило себя долго ждать. Вдруг поднялся сильный ветер, закружил, завертел все, что попало ему на пути. Необъяснимым образом превратился он в огромную воз- душную воронку. Покружив немного на одном месте, он просочился в землю. Как только все утихло, наши смельчаки к своему удивлению увидели на том месте, куда просочилась воздушная воронка, огромное коль- цо. По краю его плотно друг к другу лежали блестящие голубые камни. Они искрились, светились и даже издавали чуть слышную приятную мелодию. Завороженные необычайной мелодией путники устремились к недавно возникшему образованию.

— Да, ведь это буква «О»! Посмотрите, Михал Платонович! — восторженно прокричал студент.

— Наш последний знак, — задумчиво произнес профессор. — Надо сказать, озера я, милостивый государь, здесь не вижу. Ну-с, милейший, давайте подойдем ближе, может там, что и разглядим.

Осторожно, озираясь по сторонам, они устремились к последнему знаку. По мере того, как расстояние между путниками и кольцом сокращалось, камни меняли свой цвет, становясь то лиловыми, то нежно бирюзовыми. Музыка, издаваемая камнями, становилась все громче и громче.

Подойдя вплотную к заветной цели, они внутри ничего не увидели.

В отчаянии путешественники окаменели. Безысходность читалась на их лицах. Мимо вновь, словно тени, проплыли фигуры людей в белых одеждах. Как шелест ветра до наших смельчаков донеслось: «Потрите камни! Потрите камни!» Будто очнувшись ото сна, профессор и студент неистово накинулись на камни. Кто ладонями, а кто и полой своей рубашки начали они тереть эти образования. Чем больше трудились Василий и Михаил Платонович, тем тише становилась музыка, но становился все слышнее какой-то неясный гул. И когда музыка утихла вовсе, отчетливо стал слышен шум воды. Из-под земли появились струйки прозрачной, кристально чистой влаги. Она прибывала так быстро, что смельчаки даже не смогли перемолвиться между собой. Перед ними плескалось глубокое и прозрачное озеро. На его поверхности, будто лебеди, плыли белые пушистые облака. Наши герои хором выдохнули с облегчением: «Дошли!»

— И так, уважаемый Василий, с одной задачей мы с вами справились. Теперь перед нами следующая — достать эту облокообразную субстанцию и поместить в какую-нибудь емкость, — задумчиво произнес профессор.

— А могут ли облака содержать жидкость? — поинтересовался студент.

— Верно! Верно! Надо выловить несколько облаков, — констатировал Михаил Платонович.

— Эврика! У меня случайно оказалась мыльница! — радостно выкрикнул Василий.

— Ее-то мы и используем в качестве контейнера, — парировал профессор. — Надо найти длинную палку, — продолжал он.

Оглядевшись по сторонам, путники заметили небольшие заросли рогоза на другом берегу озера. Быстрой походкой они устремились в их сторону.

Очутившись рядом с высокими и довольно острыми листьями камышовой травы, Василий смело ринулся в воду. Осторожно раздвигая руками плотные стебли травы, студент уверенно продвигался в перед. И вдруг перед самым его лицом очутились ясные, прозрачные и очень большие глаза. Студент вскрикнул от неожиданности. В этот момент с резким шумом из зарослей выпорхнула птица с красивой женской головой. Сделав несколько кругов над озером, она опустилась на берег. Василий стоял как вкопанный и не отрывал глаз от этого зрелища.

— Молодой человек, Вы видели, видели это?! — взволновано крикнул Михаил Петрович.

— И, и, и, это что за явление? — дрожащим от неожиданности голосом произнес студент.

— Не может быть! Не может быть! Виль-русалка! Жи-ва-я!!! — безостановочно бормотал профессор.

— Кто такая Виль-русалка?

— Я всегда был уверен, что это мифическое существо из легенд и сказок.

— Ну уж, прямо-таки из сказок! — вмешалась в разговор русалка.

— Милостивая государыня. Вы Бога ради нас простите, что невольно побеспокоили Вас, — продолжал Михаил Петрович.

— Не извиняйтесь, господа. Я сама вышла к вам навстречу, так как могу помочь выбраться из того положения, в котором вы оказались, — ласковым, серебристым голосом произнесла чудо-птица.

— Это очень милостиво с вашей стороны, — ответил профессор.

— Что ты стоишь! Иди и сломай рогоз, ведь нам необходимо достать облако из воды, — обратился он к студенту.

— Не надо беспокоиться, — произнесла русалка. — Возьмите кусочек облака, — продолжила птица, и подала на крыле белую желеобразную облачную массу Михаилу Платоновичу.

— Мыльницу! Скорее мыльницу! — возбужденно прокричал профессор.

Необходимая добыча была надежно помещена в импровизированный контейнер и с осторожностью водружена в карман брюк Василия.

— А теперь, мои смельчаки, следуйте за мной и ни куда не сворачивайте, — взлетая в небо прокричала Виль-русалка.

Бережно держа емкость с драгоценной массой, путники поспешили за птицей. Под ногами они не ощущали ни кочек, ни колючей травы, ни мелких камней. Все их мысли были лишь от том, чтоб не выпустить из виду Виль-русалку. Не замечая никаких преград, смельчаки что есть силы бежали вперед, через каменные преграды, по холодным пещерным галереям, перепрыгивая через провалы, подземные реки. Только вперед! И вот перед ними забрезжил яркий свет. Он струился мощным, ровным потоком из аркоподобного скального проема. Оказавшись на гладкой, покрытой шелковой травой поверхностью, выйдя из пещерных лабиринтов, наши герои с облегчением выдохнули.

— Кажется, выбрались, — переводя дыхание после долгого бега, вымолвил Василий.

— Вышли-то, мы вышли, только вопрос — где? — оглядываясь по сторонам, произнес Михаил Платонович. — Мне эта местность совсем неизвестна.

— Профессор, русалка нас куда-то зовет, — возбужденно, слегка задыхаясь, прокричал Василий.

— Так не будем медлить, мой юный друг! — скомандовал Михаил Платонович.

Через некоторое время они оказались на холмистой, покрытой низкой травой, местностью.

Русалка не улетела, а села неподалеку, в пределах видимости путников.

Оглядевшись по сторонам, храбрецы заметили почти рядом с собой тело художника, лишенное чувств. Быстро, подбежав к потерянному путнику, они наклонились над ним удостовериться — жив или не жив?

И в тот самый момент, когда смельчаки оказались над Аполлинарием, со лба Михаила Платоновича скатилась крупная соленая капля пота и удачно приземлилась на глаз художника, тот очнулся и с удивлением произнес:

— Где я? Как вы меня нашли? Куда пропала деревня?

— Нашли мы тебя не без помощи русалки, а ты давай поднимайся, нас заждались попутчики и наш 234-й, на котором мы все ехали, если ты помнишь, милостивый государь, — достаточно громко и четко выговорил Михаил Платонович.

— А вы нашли то, за чем мы отправились? — робко поинтересовался беглец.

— Нашли, нашли. Вот в этой мельнице наше всеобщее спасение, — несколько надменно произнес студент.

— Негоже так разговаривать, уважаемый Василий, — пожурил профессор.

— Вы уж меня простите Бога ради за малодушие, милостивые государи, — виновато продолжал их незадачливый товарищ.

— Об этом, батенька, мы поговорим чуть позже, — произнес Василий.

— И так, господа, сейчас не об этом. Наша задача на настоящий момент — попасть туда, откуда вышли, — размышлял вслух Михаил Платонович.

Он повернул свою кудрявую, лысеющую голову в сторону своих путников. Глаза его выражали немой вопрос. И как по команде все странники одновременно, не сговариваясь, обернулись к Виль-русалке.

— Помогите нам еще раз, милостивая государыня, — хором выдохнула наша тройка.

— Именно для этого я здесь, — звенящим, как серебряный колокольчик, голосом пропела Русалка.

Она взмахнула огромными яркими крыльями и стремительно поднялась ввысь. Воссоединившаяся группа путников вновь последовала за своей спасительницей. Цель была близка. Эта мысль гнала вперед смельчаков, не замечая ни камней, ни кочек, ни скалистых стен, ни тумана, которые следовали за ними. Путеводной звездой была Русалка. Только она вела их к цели.

Через некоторое время путники поняли, что попали на ту самую площадку, с которой начали свое приключение. Эмоции переполняли наших героев, и они от радости обнялись, а у профессора на глазах появились слезы.

Русалка тихо опустилась на выступ скалы опять в пределах видимости, и стала чего-то ждать.

— Друзья, смотрите — наш 234-й! — проорал студент.

Все дружно, быстрым шагом направились к ожидавшему их трамваю.

Войдя в освещенный салон, они попали в крепкие объятия пассажиров. Те радостно похлопывали по плечам, обнимали, крепко жали им руки, и только слышалось со всех сторон: «Ну, что? Узнали, как нам выбраться отсюда?»

— Да! Да! Очень бы хотелось выбраться из этой круговерти! — пробубнил мужик с мешком, ехавший на Сенной рынок.

— Господа! Господа! Давайте успокоимся, и я вам расскажу, что мы узнали, как нам всем вернуться в свое время и место, — выговорил доктор наук.

— Говорите, уважаемый профессор, не томите нас, пожалуйста, — вымолвила дама, ехавшая с девочкой.

— Нас сюда завела попугаевка. У нее на шее вы все заметили небольшой ридикюль. Вот они-то нам и нужны, — продолжал Михаил Платонович.

— А мы, что-то не видим здесь нашей белой птицы, — хором удивленно произнесли студент и художник.

— Все дело в том, милостивые государи, что пока вы отсутствовали, кое-кто устроил в нашем салоне очень бурные разборки, — вмешался в разговор гражданин с елкой.

— Так, так, очень любопытно! Продолжайте, — с некоторым волнением и предчувствием чего-то неприятного вымолвил профессор.

— Мне бы не хотелось конкретно указывать ни на кого, но, как вижу, этого не избежать, — продолжал пассажир с елкой.

— А я и не собираюсь прятаться. Этой безмозглой курице еще раньше надо было голову открутить! Из-за нее я болтаюсь невесть где и несу денежные убытки. А кто их мне вернет, не подскажете!?! — проорал мужик с мешком.

— Я полагаю, что здесь произошел конфликт! — констатировал профессор.

— Да уж, конфликт! Этот гражданин после вашего ухода завелся и стал придирается к птице и трамваю. В общем, слово за слово, началась словесная перебранка, а затем наш неугомонный торговец изловчил

ся и хотел накинуться на попугайку, но та выскользнула у него из рук, стремглав выпорхнула из дверей и скрылась в неизвестном направлении, — продолжал свой рассказ мужчина с елкой.

— Михал Платонович, позвольте мне искупить вину перед вами! Я найду беглянку! — выпрыгивая из вагона, прокричал Аполлинаруй, устремляясь вновь в сторону горных хребтов.

В салоне вновь началась ругань пассажиров с мужиком, у которого был мешок с товаром.

— Господа! Господа! Давайте соблюдать спокойствие и благоразумие, — посоветовал попутчикам Михаил Платонович. — Наберемся терпения и будем ждать возвращения художника.

А наш отважный искатель, не успев выскочить из вагона, столкнулся взглядом с Виль-русалкой. Ее глаза выражали откровенный вопрос, но Аполлинаруй понял его, вступив с птицей в бессловесный диалог, в результате которого она вспорхнула ввысь и увлекла за собой своего собеседника.

Летела птица достаточно быстро, но художник не отставал от нее. Ему не было ни страшно, от того что он может заблудиться и не вернуться в вагон, а следовательно и в Москву, в свою мастерскую, к картинам, друзьям, ко всему тому, к чему так давно привык, ни холодно. Он не чувствовал камней под ногами, ему надо было найти Глорию и оправдаться в глазах Михаила Платоновича и Василия. Русалка неожиданно прервала свой полет и приземлилась на могучей, огромной, вековой сосне, которая своими мощными корнями крепко держалась на краю горного ущелья. Резко затормозив перед сосной, художник остановился и стал осматривать препятствие, которое его остановило. На самой макушке сосны он увидел русалку и маленькую белую птицу с красивым хохолком на голове. «Глория!» — пронеслось в голове Аполлинаруя.

И только он так подумал, как Виль-русалка растаяла, как дым, будто ее и не было вовсе.

— Глория! Глория! — начал звать птицу художник.

Попугайка дрожа сидела на макушке сосны, крепко держась за ветку, и не могла от страха произнести ни слова.

«Что же делать? Как мне быть?» — мысли путались в его голове.

— Не робей! Поднимись на сосну и достань птицу! — услышал он голос русалки.

Взглянув вверх на макушку сосны и вниз в ущелье у Аполлоши душа ушла в пятки, а сердце учащенно забилось.

— Не робей! Ползи вверх! — скомандовал себе художник и, не глядя на землю, чтобы не было безумно страшно, подтянулся за ветку, и стал подниматься к макушке сосны. Под его ногами некоторые ветки обламывались и с треском падали на дно ущелья. От этого шума сердце Аполлоши колотилось с ускоренной силой, но он продолжал подниматься вверх. Время для нашего храбреца будто остановилось. Ему казалось, что поднимался он более часа, хотя на самом деле прошло всего четверть часа, не более. И вот, наконец, перед ним возникла белая дрожащая фигурка Глории. Она выглядывала из-за густой хвои белым перьевым комочком. Художник протянул руку и крепко сжал лапки попугайки. Глория не сопротивлялась, она была даже благодарна художнику за свое спасение.

— Я предлагаю вам, милостивая сударыня, перебраться на мое плечо, — обратился к ней с просьбой Аполлинаруй. — А то я не смогу спуститься, держась одной рукой за ветки, а в другой держа вас.

Глория крепко вцепилась лапками в плечо своего спасителя. Сумочка покачиваясь висела у нее на шее, и они медленно стали спускаться вниз.

А художника приводило в ужас ущелье, расположенное непосредственно у корней сосны, но руки цепко держались за ветки. Плечо болело от впившихся когтей птицы, ветки сосны кололи лицо, шею, но он мужественно продвигался к намеченной цели. А цель — земля, трамвай и мастерская в Москве, где его ждут друзья, родители и любимое искусство. И вот, наконец, под ногами он почувствовал твердую почву.

— В какую сторону двигаться теперь? — как молоточком, простучала мысль в голове Аполлинаруя. И в этот самый момент какая-то невидимая сила стала подталкивать вперед. Наш смельчак полностью подчинился незримой воле и только успевал перебирать ногами, переходя от быстрой ходьбы к бегу, придерживая рукой вцепившуюся в плечо перепуганную Глорию и спасительную для всех ее сумочку.

Через четверть часа вдали забрезжил красноватый силуэт трамвая.

— Почти у цели, — с облегчением выдохнул художник, и невидимая сила, гнавшая его вперед, вмиг исчезла.

Аполлинаруй ускорил свой бег, и через несколько секунд он был уже на подножке вагона, где его с огромным волнением ждали все пассажиры.

— Ура! Ура! Ура! Смелчаку! Гип-гип ура!!! — одновременно вырвалось приветствие из уст всех пассажиров.

— Ну! И что же будет с нами дальше? — еле сдерживая гнев, произнес мужик с мешком, ехавший на задней площадке трамвая.

— Многоуважаемая Глория, позвольте мне на минуточку воспользоваться Вашей сумочкой, — обратился профессор к только что вернувшейся из побега птице.

— Что вы с ней церемонитесь! Надо, так и возьми сам, — громко произнесла баба с гусем под мышкой.

— Господа! Господа! Давайте, успокоимся и доверимся тому, что будет делать Михал Платонович, — обращаясь к публике, произнес студент.

— Михаил Платонович, расскажите всем нам, как мы сможем вернуться туда, где были до поездки в

нашем волшебном трамвае?

— С огромным удовольствием. Мы, как вам известно, отлучались из салона на некоторое время. Из нашего путешествия принесли необходимое вещество. Оно-то и поможет нам вернуться в свое время и в свое место,— продолжал профессор.— Я положу эту субстанцию в сумочку, и все вы, закрыв глаза, сразу же представляете то место, где были до поездки. Надеюсь, что все меня правильно поняли и услышали. Просто другого шанса у нас не будет, милостивые господа! — констатировал Михаил Платонович.

Все пассажиры замерли в ожидания дальнейших действий профессора.

Глория виновато протянула сумочку Михаилу Платоновичу, Василий протянул мольницу с желеобразной массой. Быстрыми движениями профессор раскрыл мольницу и вылил ее содержимое в ридикюль попугайки, сразу резко его закрыв.

— Глория, начинай свое волшебство!— скомандовал московский ученый.

Птица начала тихо произносить заклинание, а все пассажиры закрыли глаза и замерли в ожидании чуда. Красный железный трамвайчик тоже последовал их примеру.

Вновь салон заполнился зеленоватым туманом, и послышалась мелодия из лопающихся воздушных шариков. Прошла треть часа, но наш 234-й не спешил открывать глаза, а стал прислушиваться к звукам, которые окружали его. Было слышно тихое журчание, шипение и какое-то бульканье.

— Глория! Глория! Куда мы попали? — пропищал трамвай и открыл глаза.

Увиденное привело в оцепенение. Вокруг была вода, дно покрыто песком и ракушками, различные водоросли пытались опутать колеса трамвайчика. Мимо проплывали большие и маленькие рыбы. Странные предметы, покрытые илом, лежали на дне, а трамвай каким-то невообразимым образом двигался в этой среде, даже почему-то делал остановки, открывая и закрывая двери. В салон же входили, вернее, вплывали улитки, головастики и вот чудо — РУСАЛЫ и РУСАЛКИ!

Салон был пуст. В нем осталась лишь попугайка, а пассажиров как будто бы и не было.

— Глория! Глория! Я утонул! Мне конец! Я подводный трамвай! — обреченно произнес наш любимчик.

— Ты не утонул. Ты в царстве самого Водяного.

— У нас не принято кричать, от этого на реках и озерах волнения происходят,— хором залепетали речные нимфы.

— Глория — наша самая младшая и любимая сестра,— шепотом произнесла юная нимфа, с длинными, как шелк, зелеными волосами, немного похожими на водоросли.

— Она сейчас с отцом, в его хрустальном дворце, уж очень долго они не виделись,— сказала другая, тоже прекрасная нимфа, одна из дочерей Водяного.

— А могу ли я с ней встретиться? Мне так хотелось бы вернуться в свое депо, а отправить домой может только она — ГЛОРИЯ!

— Скажи, подводный трамвайчик, уж не влюбился ли ты в нашу сестрицу?

— Да это и так видно, что влюбился,— пропели другие нимфы, ехавшие в салоне 234-ого.

— Конечно, влюбился, а то как бы он здесь оказался,— хором произнесли нимфы постарше, тихо хихикая.

— Осмелюсь вас спросить, прелестные нимфы, как Глория может и летать, дышать воздухом, и плавать? — поинтересовался красный вагончик.

Нимфы засуетились. Заволновались. Образовав круг, стали о чем-то горячо спорить. Через несколько минут из круга вышла самая старшая нимфа и обратилась к подводнику:

— Мы посоветовались с сестрами и решили, что ты тот, кто нам нужен!

— Нужен! А для чего? — робко произнес трамвайчик.

— Понимаешь, много лет назад в нашем речном царстве произошла такая история.

— Глория была очень юной, премиленькой нимфой.

— А мы иногда выходим из своих вод, и любим порезвиться на зеленой траве.

— В тот теплый, июньский день все мы сестры вышли на берег погреться на солнышке, и поплясать по зеленой травке. Глория тоже пошла с нами. Это была ее первая прогулка.

— Нам было очень хорошо. Мы пели, танцевали на берегу, и не заметили, что за высоким рогозом спрятался юный рыбак. Он следил за нами, не отрывая глаз. Глория так разрезвилась, что не заметно для всех оказалась рядом с рыбаком. Их взгляды встретились. Сердца обоих забились в такт так сильно, что мы, услышав их биение, от неожиданности остановились и замерли.

А Глория обняла юношу и поцеловала. Вот так она и повстречала свою первую и самую светлую ЛЮБОВЬ!

— Что же было потом?

— Это и есть наша самая печальная история,— ответила одна из сестер.

— Глория стала почти каждый вечер исчезать из замка.

— А приходила только под утро.

— И вот однажды она пришла к отцу и объявила: «Я уйду к людям, и стану женой Волхова».

— Никогда не бывать нимфе замужем за землянином,— грозно произнес Водяной, и стукнул своим трезубцем о дно речное,— продолжала рассказ старшая из сестер.

— Мы все попрятались кто куда.

— Но не ушли, а продолжали ждать, что же будет дальше? — вторила ее самая любознательная сестрица.

— Станешь удерживать, улечу как птица из родного гнезда, а без Волхова мне жизнь не мила! — пригрозила Глория отцу.

— Надо было видеть нашего отца в ту минуту.

— Лица на нем не было.

— Весь затрясся, щеки багровыми стали,— молвила первая рассказчица.

— Ну и будь говорливой птицей, лети из родного гнезда! — в сердцах произнес отец, и стукнул два раза трезубцем об пол.

— И наша малышка Глория превратилась в милого, белого попугая. Вылетела из объятий нашей реки и отца. Полетела к своему любимому.

— А Волхов увидев белую попугайку, не сразу понял, что это Глория.

— Поняв, что он стал причиной ее бед, замкнулся в себе. Стал чахнуть, чахнуть и от тоски умер.

— Глория наша покружила над родной рекой, над могилой любимого и улетела в дальние края,— со слезами на глазах договорила самая любопытная нимфа.

— Мы прибежали к отцу и давай его уговаривать: «Прости, батюшка, свою неразумную упрямцу. Она еще несмышленная. Прости ее и верни в родные пенаты, а мы исполним для тебя твою самую любимую песню?»

— Наши уговоры подействовали на отца, и он, отпустив свои обиду и гнев, заплакал и сказал: «Я, к моему сожалению, сам отменить свое СЛОВО не смогу. Это может сделать не живое существо, не мертвое. Оно должно быть не одушевленное, но с огромным любящим Сердцем. Оно должно полюбить Глорию в том облики, в котором она будет находиться, и пожертвовать собой ради нее!»

— Пожертвовать собой?! — дрожащим голосом произнес трамвайчик.— Но я еще так юн.

— Как жаль. Мы-то думали, что ты и правда влюбился в нашу сестрицу — с досадой проговорили речные нимфы.

Трамвайчик задумался на некоторое время, и через недолгое молчание произнес:

— Хорошо, я готов помочь моей любимой. Что для этого мне надо сделать? Да, у меня есть еще один вопрос: «Что это за сумочки у всех вас на поясе?»

— Они даются всем царским дочерям при рождении.

— Значит, тот ридикюль, что у Глории, ее, а не Изольды Карповны?

— Изольда Лессовая — наша крестная мать, она хранительница лесов и полей.

— Понятно. Ну, так что же мне предстоит сделать? — полный решимости спросил 234-й.

— Мы знаем, что на вершине Оттай-скалы, есть Бали-камень, он Вили-ручей перекрывает.

— Камень отодвинь. Воды набери. Напой ею Глорию и сам выпей.

— И на могилку Волхова остатки вылей.

— И Глория вновь собою станет. Волхов оживет. Ты свою жизнь за них отдашь!

— Только надо дождаться полнолуния,— посоветовала самая любопытная из нимф.

— А когда настанет полнолуние? — осведомился стальной смельчак.

— Через три дня,— хором произнесли царские дочери.

— Три дня. Всего три дня мне жить, а увидеть мою любимую я смогу? — тихо поинтересовался безответно влюбленный трамвай.

— Мы покажем тебе дорогу к нашему дворцу, и окно комнаты, в которой жила и, думаем, что и сейчас будет жить наша непутевая сестрица — молвили две очень веселые и милые нимфочки.

— Так чего же мы ждем?! Давайте не будем медлить, и вы мне покажите мою ГЛОРИЮ!

Нимфы вновь собрались в круг. Пошептались. Пospорили, чем вызвали некую рябь на поверхности реки, и своей дружной ватагой окружили 234-й и потащили его в направлении, где уже много столетий стоял их прекрасный подводный дворец.

Пока они плыли таким странным кортежем, одна из сестер, самая старшая, всплыла в салон к нашему подводнику и тихо прошептала:

— Возьми мою сумочку, и не спорь! Мне она теперь не очень то и нужна. У меня есть местный жених русал, и у нас скоро свадьба, а тебе она поможет остаться в живых и вернуться в свое депо.

— А как же тогда я смогу спасти вашу сестрицу?

— Сможешь! Главное камень отодвинуть, воды проточной набрать и сделать далее все так, как мы тебе сказали!

— А что, умирать не обязательно?

Нимфа загадочно посмотрела на смельчака, и молча протянула ему свой ридикюль, быстро выплыв из салона, чтоб никто не смог заметить ее отсутствия.

Сумочка осталась висеть в кабине железного путешественника, а вся большая процессия довольно быстро перемещалась в направлении царских хором.

— Глория! Глория! — стучало в сердце 234-ого, и он трепетал всем своим огромным железным телом, в очередной раз волнуя речную гладь.

И вот вдаль показались великолепные очертания подводного замка. Высокие башни, словно огромные деревья, поднимались вверх из речной пучины. Стены, украшенные ракушками и речным жемчугом отбрасывали солнечный свет, проникший на дно реки, так далеко, что на несколько метров вокруг палат было светло так, как и на берегу в летний день.

И вот перед отважным странником возник восхитительный, искрящийся разноцветными камнями, дворец речного царя. Местные улитки и каракатицы как верные стражи торжественно охраняли вход в покои речного владыки — Водяника. Чудесное пение, издаваемое ракушками из покоев властелина, мягко обволакивало все пространство вокруг царственных чертогов. Очарованный увиденным, словно околдованный сладкой мелодией, трамвайчик замер перед стенами водяного владыки, как вкопанный.

— Ну и долго ты так собираешься стоять? — игриво толкнула плечом влюбленного безумца старшая из нимф.

— Ой! Ой! А где же моя Глория? — очнувшись от оцепенения, чуть слышно произнес искатель приключений.

— Скоро появится вон на том кружевном балконе, — проговорила младшая из нимф.

Я уже отправила рачка к ней с тем, чтоб он уговорил ее выйти из комнаты, — проговорила озорная нимфочка.

Доброе и отважное сердце-мотор нашего 234-ого замерло в ожидании встречи с предметом своей любви.

И вот он — долгожданный миг. На балконе появилась белоснежная фигурка Глории. Она смотрела куда-то вдаль, не замечая никого и ничего. Постояв некоторое время под балконом, глубоко вздохнув, 234-й медленно отправился прочь от дворца, в сторону берега, интуитивно определяя дорогу. И вот толщина водной глади стала все тоньше и тоньше, и яркое солнце нежно коснулось своими теплыми лучами железного корпуса отважного путника. Очутившись на берегу и осмотревшись по сторонам, наш смельчак задумался: «Где же мне искать Отгай-скалу и Били-камень?»

И пока он стоял и думал, перед ним тихо опустился туман. Из него таинственной походкой вышла Изольда Карповна и направилась прямо навстречу бедолаге.

— Ну-с, уважаемый, и что же мы стоим? — загадочно поинтересовалась дама неопределенного возраста, входя в салон краснобокого.

— А разве я могу двигаться без рельс? — робко произнес трамвайчик.

— Ты и не такое можешь! Поверь мне, отважный рыцарь. Главное — верь в себя, и тогда многое станет тебе подвластным. А теперь вперед, мой железный друг, я буду твоим капитаном!

— Вперед, капитан! — решительно произнес влюбленный.

Трамвай, словно птица, поднялся в небо. Невероятная легкость пьянила и немного покачивала грузное тело безумца. Усыпанные цветами, шелковые поля, раскидистые серебристые деревья плавно проплывали под ним. А вот и горный массив, будто седой вековой страж этих мест, гордо возвышается над рекой и равниной. Скалы становятся все ближе и ближе. Огромное каменное плато уверенно приближалось к летящему страннику.

— Жми на тормоз! Мы почти у цели! — скомандовала дама.

Трамвай резко нажал на тормоз. От резкого толчка сумочка, висевшая в кабине 234-ого, оторвалась от спинки кресла, на котором висела. Сделала невероятный воздушный кульбит и упала прямо в руки Изольды Карповны.

— Ого! — удивленно произнесла дама. — А это значительно облегчит нашу задачу! Спускайся, мой юный друг!

Огромная стальная машина уверенно спикировала вниз и плавно коснулась каменной площадки. Осмотревшись по сторонам, наш смельчак не увидел ни ручья, ни камня, перекрывшего его течение. Но ему было хорошо слышен хрустальный шум, возможно, горного потока.

— Я полагаю, нам туда? — повернув свою железную голову в сторону доносившегося гула, поинтересовался отважный искатель приключений.

— А ты догадлив, мой юный путник! Продолжим наш путь.

Через несколько минут трамвай с единственным пассажиром остановился прямо на краю горного ущелья. Говорливая речка шумела и искрилась.

— Ох-ох-ох! — невольно вырвалось у трамваюшки.

— Смелей, мой юный друг, не трусь! Нас ждут великие дела! — громко скомандовала Изольда Карповна.

Она наклонилась над сумочкой, вновь прошептала свое заклинание, и трамвай как легкий воздушный шарик поднялся вверх и плавно поплыл над глубоким, горным провалом. Но тут вдруг поднялся сильный ветер. Он стал раскачивать железный вагон, как листок на ветке дерева. 234-й закружило, он чуть не потерял сознание, но в этот момент повелительница лесов и полей вскинула руки к небу и стала кричать: «Ом! Ом! Ом!» И ветер, как послушный щенок, стал затихать, затихать и совсем затих, вроде его и не было вовсе.

Вот оно, заветное место! Показалось прямо под колесами нашего героя.

— Мы у цели! Спускаемся! — продолжала командовать Изольда Карповна.

С шумом грузная машина опустилась на ровную, горную площадку, по которой, спускаясь весело с горы, бежал звонкий ручей. А вот и Отгай-камень, перекрывший его быстрый бег, наполовину торчал из воды, которая образовалась вокруг него за все это время.

— Да, непростая задача!?! — подумал железный смельчак, глядя на представшую его взору картину.— Ну, да ладно, обещал сестрам спасти Глорию, значит — спасу!

Тараном двинулся наш трамвайчик на Отгай-камень. Вода опять заполнила его салон и кабину. Мотор работал с трудом, постоянно выплескивая воду из своего тела.

Удар! Еще удар! Камень прочно стоит на своем месте. Собрав все свои силы, разозлившись на булыжник, упрямец неистово ринулся в очередной раз на своего соперника. Изольда Карповна, стоявшая недалеко от этого места, проделывала руками какие-то невероятные пассы. И вот, камень покачнулся, покачнулся и с грохотом покатился в сторону ущелья. Докатившись до его края, он завис над ним, будто птица раскрывшая крылья над своими птенцами. Река, сделав глубокий вздох облегчения, мощным потоком ринулась вниз по горе, весело журча и искрясь в лучах яркого солнца.

Наш смельчак зачерпнул воды из холодного потока в ведро, которое всегда висело на его боку, ну так, на всякий случай, и вопросительно взглянул в сторону Изольды Карповны. Она повернула голову влево, как бы указывая направление дальнейшего движения. Вдалеке, в долине, у подножья горы Радуну возвышался небольшой, земляной холмик. На нем, сидела какая-то белая птичка. Разглядеть ее было невозможно. Влюбленный герой вместе с лесной волшебницей направился именно в эту сторону. Приблизившись, 234-й чуть не лишился чувств от удивления. На единственной могилке этой местности сидела белокрылая Глория. Солнце плясало на макушке Радунь-горы, ветер ласково гладил перья попугайки. Луч озорного солнца пощекотал железные бока огромной машины. Трамвайчик очнулся от легкого оцепенения, тело его дрогнуло и из ведра водопадом вылилась живая влага и на могилку, и на Глорию. В этот момент послышался страшный гул. Каменное плато стало подпрыгивать. Гора сделала несколько качкообразных движений, и то место, где было захоронение Волхова, резко провалилось вниз, оставив вместо себя глубокую яму. Ни тела Волхова, ни Глории не было.

— И что теперь? — растерянно произнес трамваюшка, повернув свое большое тело к Изольде Карповне.

— Нырять в яму! — скомандовала дама.

— Была, не была, пусть погибну, но любимую спасу! — с этими мыслями железный прыгнул в образовавшуюся бездну.

Как долго летел трамвай вниз, он не помнил. Почувствовав почву под колесами, он огляделся по сторонам. Тьма окутала его, как мягкий меховой плед. 234-й включил фары. Свет мощною струей ударил в твердь. Вокруг, блистая мрамором, нашего героя окружали глухие стены. Длинный, сводчатый туннель убежал в неизвестность. Храбрец, долго не раздумывая, помчался навстречу тайне. Он оказался в круглой зале. Черный мрамор, украшавший все помещение, отражал колонны, подпиравшие мозаичный свод. В центре возвышался железный трон, спинку которого украшали железные змеи, летучие мыши и коты. Трон был пуст.

В помещении никого не было. Но что это? Откуда-то из глубины послышались тяжелые, глухие шаги. И вот в свете фар возникла фигура высокого и очень крепкого человека. Железные доспехи искрились от света, попадавшего на них. На голове величаво сиял обильно украшенный рисунками животных, царственный шлем. На правом плече лежал, вцепившись когтями в доспехи, молодой лев.

— Как ты посмел нарушить покой моих владений? — эхом раздался грозный голос хозяина подземелья.

— Я ишу белого попугая и юношу по имени Волхов, — уверенным голосом произнес наш смельчак.

— Я вижу ты — храбрый малый! — продолжал богатырь.— А зачем тебе они? Попавшие ко мне, здесь остаются навсегда. Ты знаешь, с кем говоришь?

— Не имею чести знать!

— Я — Флинц, владыка подземных недр и царь умерших. В моей власти все и вся, что здесь находится. Те, которых ты ищешь, у меня!

— Мог бы ты им дать свободу?

— Могу, но с одним условием.

— Скажи, чего ты желаешь?

— За две их жизни, одну твою, — хитро улыбаясь произнес Флинц.

— Хорошо! — уверенно произнес 234-й.

— Будь по-твоему, — властно произнес владыка.

И как только трамвай вымолвил свое желание, перед ним появился красивый юноша и милая, румяная, зеленувласая девушка. Глядя в ее глаза, трамвайчик понял, что это и есть его возлюбленная Глория. Чары отца пали, и она вновь стала той, которой была до ссоры с речным царем.

— Прости меня за все, мой смелый спаситель, если сможешь, — кланяясь в пояс произнесла речная нимфа.— Мы тебя никогда не забудем.

С этими словами молодые люди, держась за руки, направились вперед, туда, откуда струился слабый, солнечный свет. Они шли долго, не оборачиваясь, пока не исчезли из виду. Растворились окутанные легким,

но плотным туманом. Этот туман, словно сильный воздушный поток, вынес их к свету, к подножью горы Радуня, прямо в объятия крестной Изольды Карповны. А Отгай-камень в этот миг вздрогнул, покачнулся и покатился в обратную сторону. Словно мячик из крокета, прыгнул в яму и заткнул своим огромным каменным телом тот самый вход в царство владыки Флинца...

Пыль и мелкие камни дождем обрушились на голову и корпус нашего смельчака. Трамвайчик закрыл глаза и сделал последний вздох. Его смелое сердце остановилось.

Глория залилась горькими слезами. Она рыдала на плече любимого, а ее старая крестная, смахнув слезинку со щеки, раскрыла ридикюль, и начала сначала шепотом, затем все громче и громче произносить волшебное заклинание...

... Теплым весенним днем из старенького депо одного небольшого, но очень уютного и милого городка, выехал новенький, блестящий красный трамвай.

Он весело бежал по стальным рельсам и постукивал в такт весенней капели.

Мимо летели высокие и низенькие домики, и все приветливо кивали ему своими крышами. Вслед, чирикающая, летела стайка взъерошенных воробьев. Деревья приветствовали его и покачивали ветками с набухшими почками. Весело! Радостно! В воздухе пахнет ВЕСНОЙ!

13 мая 2018 года, г. Тула